В. Катаев, М. Горький, М. Закревская, Н. Кольцов, Л. Леонов. Сорренто, 1927 год

Мура все время рвалась к детям, в Эстонию, - она не видела их уже больше трех лет. Законным путем она попасть туда не могла, у нее не было эстонского паспорта. Оставался только один путь - нелегальный. В декабре 1920 года вместе с другими нелегалами Мура попыталась перейти границу по льду Финского залива. Никто не знал подробностей этого перехода. Сама она говорила только одно: *"Было скользко, было холодно. Было темно и страшно"*. Горькому позвонили из бюро ВЧК на Гороховой и сообщили, что его секретарь Мария Закревская, по мужу Бенкендорф, задержана при попытке перехода государственной границы. Благодаря хлопотам Горького (и, конечно, старого знакомого чекиста Петерса) ее выпустили, и она отправилась в Эстонию на поезде. Как только Мура вышла на перрон в Таллине, ее арестовали эстонцы и предъявили обвинение в том, что она советская шпионка, любовница большевика Горького и чекиста Петерса.

Адвокат Муры оказался большим поклонником Горького и сумел вытащить ее из тюрьмы. Но виза вот-вот кончится, и тогда ее вышлют из Эстонии. Эстонцы плохо знали Муру: она успела заключить фиктивный брак с гражданином Эстонии бароном Николаем Будбергом. В качестве баронессы Будберг она стала абсолютно свободной в своих передвижениях. В Петроград ей возвращаться было уже ни к чему: Максим Горький сам собирался в Европу. Он явно мешал большевистскому правительству, но тронуть его боялись: всемирная слава все-таки. Ленин

Ответственный за молоко товарищ взбунтовался и заявил, что не в состоянии обеспечивать молоком такое количество детей Горького

под видом заботы о здоровье пролетарского писателя писал ему: *"Уезжайте! А не то мы вас вышлем"*.

Горький вместе с обитателями своей коммуны выехал в Берлин. Вскоре туда приехала Мура - с мужем, с которым она тут же, в Берлине, и рассталась, чтобы никогда больше не встречаться. Вместе с Горьким Мура перебралась в Сорренто и поселилась на вилле "Иль Сорито". Это было обширное поместье, принадлежавшее неаполитанскому герцогу. Со своими огромными гонорарами Горький вполне мог себе позволить оплачивать аренду роскошной виллы.

В Сорренто они прожили несколько лет. Два раза в год - зимой и летом - Мура уезжала к детям в Эстонию. Однажды, как раз во время ее отсутствия, в Сорренто приехал Ходасевич с женой, Ниной Берберовой. Оценив обстановку, Берберова примерилась было занять Мурино место, но не тут-то было: вся огромная семья-коммуна Горького единодушно выступила против нее. Все-таки Закревская была совершенно необыкновенной женщиной: ее любили абсолютно все, даже Екатерина Пешкова, законная жена Горького. Мура крепко держала в руках весь горьковский табор, всюду успевала и была всем необходима, особенно самому Горькому.

Его любовь к Муре была страстной и мучительной, по крайней мере, для него самого. В Сорренто Горький почувствовал, что Мура как-то отдаляется от него. Он не знал, что каждый раз, когда она ехала к детям в Эстонию, "по дороге" обязательно заезжала в Лондон - к незабвенному Брюсу Локкарту.

* * *

ЛЕТОМ 1925 года Мура привезла в Сорренто детей - Таню и Павла. Горький сразу подружился с ними и с увлечением играл в "козлят" и "могилу Наполеона". Когда-то и у самого Горького была дочь Катя. Она умерла совсем маленькой. А десятилетняя Таня была так похожа на Муру...

Закревская повезла детей обратно в Эстонию, и вскоре Горькому пришло письмо: *"Я почувствовала, что не влюблена в вас боле..."* Впрочем, вскоре она вернулась, и все пошло вроде бы по-прежнему. Но трещина осталась и с каждым днем увеличивалась все больше. А в 1928 году Горький принял решение вернуться на родину.